

Петракова Юлия Игоревна

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Julia Petrakova

PhD in Philology, Associate Professor
Post-PhD Researcher
Department of Theoretical
and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
juliapetrakova0887@gmail.com

ПРОИЗВОДЯЩИЕ ПОЛЯ В СИСТЕМЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

DERIVATIVE FIELDS IN THE SYSTEM OF NOUNS IN THE GERMAN LANGUAGE

Лексическая система языка является источником единиц, способных участвовать в словообразовании для порождения новых наименований. На материале немецкого языка установлено, что наряду со словообразовательно активными единицами существует подсистема не востребованных в данном номинативном процессе лексем. Раскрываются факторы формирования производящих полей и словообразовательно пассивной части лексической системы, устанавливается нежесткий характер ограничений, накладываемых на использование единиц в качестве производящих баз.

Ключевые слова: *номинация; словообразование; лексико-семантическая группа; производящая единица; производная единица.*

The lexical system of a language is a source of units capable of participating in word-formation to generate new names. Based on the material of the German language, it has been established that, alongside the units that are active in word-formation, there exists a subsystem of lexemes not involved in this nominative process. The factors contributing to the formation of derivational fields and the word-formation-passive part of the lexical system are explored, demonstrating the flexible nature of the restrictions on the use of units as derivational bases.

Key words: *naming; word-formation; lexico-semantic group; derivational unit; derived unit.*

Поиск подходящего имени для наречения результатов познания окружающего нас мира включает, как известно, целый ряд процедур, сопряженных с выбором языковой формы для репрезентации новых элементов опыта. Словообразование как один из ведущих способов номинации предполагает использование уже имеющихся в языке элементов для порождения нового имени – в этом процессе могут участвовать, по сути, все слова, выступая в качестве производящих баз, или источников номинации. Однако в действительности некоторые единицы не вовлекаются в словообразовательный акт: еще в 1967 г. Б. Н. Головин предложил термин «производящее семантическое поле» для обозначения суммы лексических значений производящего ряда, задействованных словообразованием [1], что также подразумевает существование множества лексем, которые остаются вне сферы дей-

ствия словообразования¹. Даже окказиональная номинация, располагая потенциально весьма широкими возможностями, на деле оказывается «скованной» словообразовательными правилами и требованиями семантической прозрачности [2, с. 126]. В этой связи необходим поиск закономерностей, объясняющих языковое поведение лексических единиц в словообразовательном процессе, включая их деривационную пассивность. Определение активной и пассивной частей словарного состава и факторов формирования этих частей позволит во всей полноте представить словообразовательные возможности лексической системы языка. Предлагаемое исследование проводится на материале одного из ядерных классов слов – имен существительных – и направлено на определение объема и закономерностей реализации их производящего потенциала в современном немецком языке.

Достижение поставленной задачи предполагает обращение ко всей совокупности имен существительных, однако, учитывая широкую представленность единиц данной части речи в немецком языке (более 75 % словарного состава, или, по самым скромным подсчетам, 225 тыс. единиц [4]), важно отметить масштабность подобного исследования, которое в связи с этим может требовать коллективного труда или же поэтапного рассмотрения разных пластов лексики в системе имен существительных. Избрав второй путь, мы должны, ввиду широты проблемной области, сузить ее по релевантным для исследования параметрам. Проводимый анализ направлен на выявление производящих единиц как источников номинации, чье содержание индивид использует в качестве когнитивной опоры для порождения нового наименования. По этой причине ключевым параметром для отбора лексических единиц должны стать их содержательные характеристики.

Говоря о статусе семантических признаков, которые составляют содержательную сторону словесного знака, следует подчеркнуть, что эти признаки «различаются по степени абстракции и связанной с этим широте представленности в значениях отдельных слов» [5, с. 79]. Внутри частей речи как семантических суперкатегорий слова объединяются в лексико-грамматические разряды на основании субкатегориальных компонентов значения, которые близки категориальным семам, уточняют их и потому также являются достаточно общими. Лексико-грамматические разряды, в свою очередь, охватывают множество лексико-семантических групп, включающих слова с общими категориально-лексическими признаками. В стремлении избежать атомизма и списочности или, наоборот, излишней обобщенности при описании производящего потенциала единиц мы ориентируемся на

¹Начиная свой поиск со словообразования как основного способа порождения лексических единиц в немецком языке [3, S. 2], мы понимаем, что наиболее полно картина выбора языковых единиц для вторичного использования с целью наречения может быть воссоздана при обращении к другим способам номинации – прежде всего, семантической и фразеологической деривации. Описание факторов, влияющих на востребованность лексических единиц в данных номинативных процессах, открывает широкие перспективы для выявления закономерностей актуализации деривационного потенциала лексики.

лексико-грамматические разряды имен существительных и далее лексико-семантическую группу (ЛСГ), или лексическое поле, как один из ведущих классификационных типов при системном описании словообразования.

В грамматике немецкого языка существительные традиционно разделяются на имена собственные и имена нарицательные, которые, в свою очередь, охватывают конкретные и абстрактные имена [6, S. 230]. Признавая важность и перспективность исследования деривационного поведения имен собственных, связанного с процессом их деонимизации, или апеллятивации, на данном этапе анализа мы сосредоточим внимание на конкретных и абстрактных именах существительных. Следует отметить, что, в отличие от признаваемого большинством лингвистов деления на конкретные и абстрактные (отвлеченные) имена, дальнейшая дифференциация конкретной лексики трактуется немецкими исследователями по-разному. Так, в грамматике Г. Хельбига и Й. Буша конкретные имена существительные представлены такими микросистемами, как названия исчисляемых (дискретных) сущностей (*zählbare Individuativa*), веществ (*Stoffnamen*) и множеств (*Kollektiva*) [6, S. 230]. Грамматика Дуден, напротив, относит собирательные имена к абстрактным наименованиям [7, S. 698]. Не ставя перед собой задачу более глубокого анализа собственно языковых, когнитивных и философских оснований для семантической субкатегоризации имен существительных, отметим, что ориентация на основные лексико-грамматические разряды уже позволяет в некоторой степени дифференцировать большую семантическую емкость и неоднородность единиц данной части речи.

Следующий шаг при отборе эмпирического материала предполагает выделение лексико-семантических групп внутри каждого лексико-грамматического разряда имен существительных. Многочисленные работы, посвященные моделированию деривационных процессов, свидетельствуют об эффективности и целесообразности рассмотрения производящих и производных единиц с позиции их лексико-семантической отнесенности. Вместе с тем необходимо отметить те трудности, с которыми сопряжена идентификация лексико-семантических характеристик слова, – это и диффузность границ между лексическими категориями, и разный уровень их выделения, и возможность вхождения одной и той же единицы «в разные семантические области вследствие распространенности своего значения, т.е. наличия связей со значениями других слов по двум или нескольким линиям» [8, с. 175]. Таким образом, важность и необходимость семантической классификации лексики в дериватологии не отменяют некоторой условности и субъективности подобного распределения.

Материал исследования составили следующие лексические классы немецкого языка: «Наименования частей тела», «Наименования растений», «Наименования животных», «Наименования орудий труда», «Наименования полезных ископаемых», «Наименования жидкостей», «Наименования интеллектуальных феноменов», «Наименования проявлений психики». Выбор данных объединений в качестве объекта анализа продиктован следующими

соображениями. Наименования частей тела, растений, животных и орудий труда входят в разряд конкретных имен исчисляемых сущностей, наименования жидкостей и полезных ископаемых относятся к вещественным именам, а существительные, обозначающие интеллектуальные феномены и проявления психики, являются абстрактными наименованиями. Итак, эмпирический материал исследования охватывает основные лексико-грамматические разряды имен существительных немецкого языка. Еще одним мотивом выбора данных классов является их прототипический характер для указанных лексико-грамматических разрядов, что подтверждается использованием соответствующих наименований в качестве иллюстративных примеров в грамматиках немецкого языка (см., например, издания Duden, Bertelsmann, Langenscheidt, грамматику Г. Хельбига и Й. Буша и др.).

Отбор лексических единиц немецкого языка, принадлежащих вышеуказанным классам, производился на основе лексикографических данных словаря Ф. Дорнзайффа [9], который охватывает более 107 тыс. слов и представляет собой одну из наиболее глубоких и развернутых семантических классификаций лексики немецкого языка. Как отмечают составители, одним из основных критериев отбора лексики выступает частотность единиц, ограничивающая (но не исключающая полностью) включение в словник терминологической, диалектной, стилистически маркированной лексики [9, S. XIII]. С учетом указанных допущений и ограничений общий объем языкового материала для восьми лексических классов составил 1816 единиц. Их участие в словообразовании определялось на основе данных словообразовательного словаря немецкого языка под ред. Й. Шплетта [10], словаря неологизмов немецкого языка под ред. У. Квастхоффа [11], немецко-русского словаря неологизмов под ред. Д. Штеффенса и О. А. Никитиной [12], а также электронного словаря «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» [13]. Необходимо принять во внимание, что представление исчерпывающего перечня всех потенциальных производных слов в словарях маловероятно из-за постоянного изменения лексикона, трудностей фиксации новых слов и семантической прозрачности многих словообразовательных дериватов. Вместе с тем используемые словари, вокабуляры которых охватывают в сумме более 400 000 словарных статей, предоставляют репрезентативную выборку производных и способны послужить надежной базой для обобщений.

Полученные из лексикографических источников сведения свидетельствуют о том, что ни одна из исследуемых ЛСГ не реализует свой деривационный потенциал полностью: в каждом лексическом классе нами зафиксированы единицы, не участвующие в словообразовании (*Blickpunkt* ‘точка зрения’, *Hucke* ‘(диал.) спина’, *Kefir* ‘кефир’, *Kojote* ‘койот’, *Pyrit* ‘(геол.) пирит’, *Schleifstein* ‘точильный камень’, *Zierpflanze* ‘декоративное растение’ и др.). Во всех случаях лексико-семантическая группа охватывает больше лексических единиц, нежели производящее семантическое поле, которое включает от 34,3 % до 76,1 % конституентов лексического класса (таблица). При этом объем производящего поля не находится в прямой зависимости от

количества конституентов ЛСГ. Так, наименования орудий труда, представленные наименьшим количеством единиц, более всего вовлекаются во вторичную номинацию: доля источников словообразования составляет в данной группе 76,1 % от общего количества единиц. В наименьшей степени задействованы наименования животных, которые при этом составляют самую многочисленную группу наименований: лишь 34,3 % конституентов входят в производящее поле данного лексического класса. И напротив, близкие показатели вовлеченности в номинативный процесс зафиксированы для различных по объему ЛСГ («Наименования жидкостей» и «Наименования интеллектуальных феноменов» – 42 % и 41,8 % единиц соответственно; «Наименования частей тела» и «Наименования проявлений психики» – 55,1 % и 54 % единиц соответственно).

Производящий потенциал имен существительных немецкого языка

ЛСГ	Общий объем ЛСГ, ед.	Производящее поле ЛСГ, ед. (%)	Словообразательно пассивная часть ЛСГ, ед. (%)
«Наименования животных»	505	173 (34,3 %)	332 (65,7 %)
«Наименования частей тела»	425	234 (55,1 %)	191 (44,9 %)
«Наименования растений»	294	144 (49 %)	150 (51 %)
«Наименования жидкостей»	242	101 (42 %)	141 (58 %)
«Наименования полезных ископаемых»	110	64 (58,8 %)	46 (41,2 %)
«Наименования интеллектуальных феноменов»	91	38 (41,8 %)	53 (58,2 %)
«Наименования проявлений психики»	78	42 (54 %)	36 (46 %)
«Наименования орудий труда»	71	54 (76,1 %)	17 (23,9 %)

Показатели словообразовательной востребованности единиц в разных лексических классах позволяют предположить, что основной словарный фонд языка, единицы которого характеризуются «устойчивостью, жизненной важностью понятий, выражаемых ими, их общепринятостью, употребляемостью ... и способностью служить базой для образования новых слов [выделено нами. – Ю. П.]» [14, с. 31], входит в деривационно активные части разных ЛСГ, т.е. распределен по разным участкам лексической системы, и имеет в некоторых классах максимальную и минимальную представленность. Выявленные закономерности – существование единиц, составляющих

словообразовательно активную и пассивную части во всех исследуемых лексических классах, отсутствие прямой зависимости между объемом лексических классов и их производящих полей – требуют поиска причин, детерминирующих избирательный характер словообразования.

Для решения данной задачи необходимо рассмотреть лингвистические параметры единиц, входящих в состав исследуемых объединений, и выяснить, детерминируют ли они формирование производящих полей и словообразовательно пассивных частей ЛСГ. На основе лексикографических данных была выявлена неоднородность лексических классов с точки зрения характеристик их конституентов. Так, в каждой ЛСГ имеются как простые, так и производные¹ наименования: *Elch* ‘лось’ – *Murmeltier* ‘сурок’, *Haut* ‘кожа’ – *Mundhöhle* ‘ротовая полость’, *Blume* ‘цветок’ – *Doldenblütler* ‘(бот.) зонтичные’, *Wasser* ‘вода’ – *Abwasser* ‘сточные воды’, *Silber* ‘серебро’ – *Feldspat* ‘(геол.) полевой шпат’, *Idee* ‘идея’ – *Gedankenkraft* ‘сила мысли’, *Seele* ‘душа’ – *Gemüt* ‘душа, настроение’, *Axt* ‘топор’ – *Bohrer* ‘сверло’ и др.

Хорошо известно, что на принципиальную возможность использования лексической единицы в словообразовании может оказывать влияние ее производный характер и тем самым предопределять вхождение данной единицы в деривационно пассивную часть лексико-семантической группы. Действительно, некоторая часть массива производных конституентов ЛСГ не участвует далее в словообразовании: *Beuteltier* ‘сумчатое животное’, *Brecheisen* ‘лом’, *Einfallsreichtum* ‘изобретательность’, *Flusswasser* ‘речная вода’, *Schultergelenk* ‘плечевой сустав’, *Tiefengestein* ‘(геол.) глубинные породы’, *Zierpflanze* ‘декоративное растение’. Однако данная закономерность не является строгой: на материале всех имеющихся ЛСГ немецкого языка было установлено, что производные лексические единицы могут выступать источниками словообразования и входить в производящие поля лексических классов:

- 1) «Наименования животных»: *Raubtier* ‘хищник’ > *Raubtierwärter* ‘смотритель за хищниками’, *Wildschwein* ‘дикий кабан’ > *Wildschweinrotte* ‘стадо диких кабанов’;
- 2) «Наименования частей тела»: *Hüftgelenk* ‘тазобедренный сустав’ > *Hüftgelenkentzündung* ‘воспаление тазобедренного сустава’, *Schlagader* ‘артерия’ > *Halsschlagader* ‘шейная артерия’;
- 3) «Наименования растений»: *Blumenkohl* ‘цветная капуста’ > *Blumenkohlröschen* ‘соцветие цветной капусты’, *Knoblauch* ‘чеснок’ > *Knoblauchkröte* ‘(зоол.) чесночная обыкновенная’;
- 4) «Наименования жидкостей»: *Süßwasser* ‘пресная вода’ > *Süßwasserfisch* ‘пресноводная рыба’, *Getränk* ‘напиток’ > *Getränkehersteller* ‘производитель напитков’;

¹Решение о производном / непроизводном характере лексических единиц принималось на основе данных словообразовательного словаря немецкого языка под ред. Й. Шплетта [10].

5) «Наименования полезных ископаемых»: *Braunkohle* ‘бурый уголь’ > *Braunkohleproduktion* ‘производство бурого угля’, *Steinsalz* ‘каменная соль’ > *Steinsalzbergwerk* ‘предприятие по добыче каменной соли’;

6) «Наименования интеллектуальных феноменов»: *Aufmerksamkeit* ‘внимание’ > *Aufmerksamkeitsdefizit* ‘дефицит внимания’, *Gedanke* ‘мысль’ > *Gedankenablauf* ‘ход мыслей’;

7) «Наименования проявлений психики»: *Empfindung* ‘чувство, переживание’ > *empfindungsfähig* ‘чувствительный, восприимчивый’, *Gemüt* ‘душа’ > *gemütsarm* ‘бездушный, холодный’;

8) «Наименования орудий труда»: *Schraubendreher* ‘отвертка’ > *Kreuzschlitzschraubendreher* ‘крестовая отвертка’, *Vorrichtung* ‘приспособление’ > *Beleuchtungsvorrichtung* ‘осветительный прибор’.

Полученные данные о возможности использования производных единиц в качестве источников словообразованияозвучны результатам исследования Э. Тширнера о преобладании среди наиболее частотных имен существительных немецкого языка словообразовательных дериватов, составляющих более 60 % от общего количества единиц [15, S. 239]. Принимая во внимание тот известный факт, что частотные слова активно используются во вторичной номинации, следует подчеркнуть специфику словообразовательной системы немецкого языка, допускающей, прежде всего благодаря словосложению, вовлечение в номинативный процесс производных единиц.

Среди иных лингвистических параметров, способных оказывать влияние на востребованность единиц в словообразовании, исследователи выделяют их этимологические и функционально-стилистические характеристики (на материале немецкого языка такие ограничения (*Bildungsrestriktionen*) подробно освещены в работах М. Д. Степановой, В. Фляйшера, К. Шерер, С. Олсен, Б. Науманна и др.). С этой точки зрения состав исследуемых ЛСГ также неоднороден. Наряду со словами, которые можно квалифицировать как исконные, имеются и заимствования¹: *Aquamarin* ‘аквамарин’, *Instrument* ‘инструмент’, *Intellekt* ‘интеллект’, *Mokka* ‘кофе мокка’, *Physiognomie* ‘внешний вид, лицо’, *Temperament* ‘темперамент’, *Orang-Utan* ‘орангутанг’, *Zypresse* ‘кипарис’ и др. Ориентация на критерий частотности не препятствует, как упоминалось ранее, включению в состав лексических классов терминов и стилистически маркированных слов, которые зачастую образуют пересекающиеся области с заимствованными и производными словами: *Bedecktsamer* ‘(бот.) покрытосеменные’, *Hypothalamus* ‘(анат.) гипоталамус’, *Paarhufer* ‘(зоол.) парнокопытные’, *Protozoon* ‘(зоол.) простейшее’, *Sedimentgestein* ‘(геол.) осадочные породы’, *Trank* ‘(возв.) питье, зелье’, *Wampe* ‘(груб.) живот, пузо’ и др.

¹ При определении этимологических характеристик слова мы опирались преимущественно на данные словарей «Duden – Das Onlinewörterbuch» [16] и «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» [13].

Результаты сопоставления производящих полей и словообразовательно пассивных частей ЛСГ свидетельствуют о том, что этимологические и функционально-стилистические характеристики лексических единиц также не имеют жесткой ограничительной силы. В тех лексических классах, где присутствуют термины, заимствованные и стилистически маркированные единицы, отмечено их вхождение как в пассивную (1), так и в словообразовательно активную (2) часть:

1) *Absinth* ‘абсент’, *Bonmot* ‘удачная шутка’, *Ergussstein* ‘(геол.) изверженная порода’, *Impala* ‘(зоол.) импала’, *Lippenblütler* ‘(бот.) губоцветные’, *Lorke* ‘(груб.) пойло’, *Porree* ‘порей’;

2) *Antlitz* ‘(возв.) лицо’ > *Heldenantlitz* ‘лицо героя’, *Cocktail* ‘коктейль’ > *Cocktailkarte* ‘карта коктейлей’, *Herzklappe* ‘(мед.) сердечный клапан’ > *Herzklappenentzündung* ‘воспаление сердечного клапана’, *Kontemplation* ‘созерцание’ > *kontemplativ* ‘созерцательный’, *Petroleum* ‘керосин’ > *Petroleumbeleuchtung* ‘керосиновое освещение’, *Pistazie* ‘фисташковое дерево’ > *pistaziengrün* ‘фисташково-зеленый’, *Reflexion* ‘рефлексия’ > *Reflexionsniveau* ‘уровень рефлексии’, *Saphir* ‘сапфир’ > *saphirblau* ‘сапфирово-синий’, *Schnauze* ‘(груб.) морда’ > *kaltschnäuzig* ‘(груб.) хладнокровный, бессердечный’, *Schnute* ‘(разг.) рот’ > *Zuckerschnute* ‘(ласк.) милый ротик’ и др.

Полученные данные убеждают в том, что лингвистические характеристики единиц могут сдерживать, но не исключать их участие в словообразовании. По-видимому, выбор лексических единиц как источников номинации обусловлен прежде всего тем, до какой степени известны, типичны и значимы обозначаемые лексемами объекты, а также их связи с другими объектами, процессами и признаками [17, с. 46].

Если исходить из того, что всякое новое наименование появляется как ответ на коммуникативную потребность членов языкового коллектива [3, S. 79–80; 18, S. 18–20], то можно утверждать, что лексическая система немецкого языка неравномерно «откликается» на эту потребность. Особенно явно в пользу данного утверждения говорит распределенный, или кросс-классовый, характер номинативно активного лексического фонда в немецком языке, определяемый наличием в лексико-семантических группах востребованных и пассивных в словообразовании единиц. Используя метафору И. С. Улуханова, изображающую словообразовательную систему как «совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), а другие не реализованы («пустыют»)» [19, с. 7], можно подобным образом представить и лексический класс, в котором часть единиц актуализируют свой потенциал и формируют производящие поля, а другие остаются «пустыми», не имея своих производных. Говоря о факторах, препятствующих использованию лексической единицы в каких бы то ни было словообразовательных процедурах, следует, по-видимому, признать их чрезвычайно сложное переплетение, а иногда и случайный характер «срабатывания» ([3, S. 80], ср. также [20, с. 189]). И вместе с тем решающая роль

принадлежит, как нам кажется, тому выбору, который совершают человек, «сканируя» ментальный лексикон и фокусируя свое внимание на единицах, способных наилучшим образом выступить репрезентантом некоторой структуры знания, составляющей цель номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин, Б. Н. Замечания к теории словообразования / Б. Н. Головин // Учен. зап. Горьковского ун-та. Сер.: Лингв. – Горький, 1967. – Вып. 76. – С. 3–49.
2. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная лексика : Спецкурс для фак. иностр. яз. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1973. – 344 с.
3. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – 4. Auflage. – Berlin : De Gruyter, 2012. – 484 S.
4. Die Verteilung der Wortarten im Rechtschreibduden. – 2025. – URL : <https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Die-Verteilung-der-Wortarten-im-Rechtschreibduden> (date of access : 11.03.2025).
5. Кузнецова, Э. В. Части речи и лексико-семантические группы слов / Э. В. Кузнецова // Вопросы языкоznания. – 1975. – Вып. 5. – С. 78–86.
6. Helbig, G. Deutsche Grammatik / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1996. – 731 S.
7. Wöllstein, A. Duden – Die Grammatik / A. Wöllstein (Hg.). – Mannheim : Dudenverlag, 2022. – 984 S.
8. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
9. Dornseiff, F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / F. Dornseiff. – 9. überarb. u. erw. Auflage. – Berlin, Boston : De Gruyter, 2020. – 1097 S.
10. Splett, J. Deutsches Wortfamilienwörterbuch : in 19 Bd. / J. Splett. – Berlin : W. de Gruyter, 2009. – 19 Bd.
11. Quasthoff, U. Deutsches Neologismenwörterbuch / U. Quasthoff (Hg.). – Berlin : W. de Gruyter, 2007. – 690 S.
12. Steffens, D. Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch = Немецко-русский словарь неологизмов / D. Steffens, O. A. Nikitina. – Mannheim : Institut für deutsche Sprache, 2016. – 2 Bd.
13. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – 2025. – URL : <https://www.dwds.de> (date of access : 05.03.2025).
14. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. – 374 с.
15. Tschirner, E. Wortschatz / E. Tschirner // Deutsch als Fremd- und Zweitsprache : ein internationales Handbuch / H.-J. Krumm, Chr. Fandrych, Br. Hufeisen, Cl. Riemer (Hrsg.). – Berlin : Mouton de Gruyter, 2010. – S. 236–245.
16. Duden – Das Onlinewörterbuch. – 2025. – URL : <https://www.duden.de> (date of access: 20.03.2025).

17. Харитончик, З. А. О номинативных ресурсах языка, или К дискуссии о концептуальной интеграции / З. А. Харитончик // В поисках сущности имен : избранное / З. А. Харитончик. – Минск, 2015. – С. 43–53.
18. Motsch, W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen / W. Motsch. – Berlin ; New York : W. de Gruyter, 2004. – 469 S.
19. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.
20. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980. – 296 с.

Поступила в редакцию 14.04.2025